УДК 913

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КЕНОЗЕРЬЯ

Е.Ф. Шатковская*, М.Н. Мелютина**

*director@kenozero.ru, **nauka@kenozero.ru

Национальный парк «Кенозерский», г. Архангельск, Россия

Аннотация. *Культурный ландшафт Кенозерья является выразителем ценностей, созданных локальным сообществом, исторический процесс его формирования рассмотрен авторами статьи. Принципиальным элементом северорусского ландшафта служит деревня с крестьянскими дворами и сакральными локусами – часовнями, церквами, поклонными крестами, с сохранением архаичной планировки поселений. В начале 1960-х гг. ликвидация «неперспективных» деревень привела к появлению десятков заброшенных селений и изменению образа культурного ландшафта. Несмотря на понесённые утраты, современный ландшафт Кенозерья сохраняет статус ценного природного и историко-культурного комплекса и находится в режиме реабилитации, поддерживаемой Кенозерским национальным парком.*

Ключевые слова*: Кенозерье, Лёкшмозерье, исторический процесс, археологические культуры, водно-волоковые пути, колонизационные потоки, территориально-административное деление, статистика поселений, природный и историко-культурный комплекс.*

Для цитирования*:* Шатковская Е.Ф., Мелютина М.Н. Исторические факторы формирования культурного ландшафта Кенозерья. *Наследие и современность = Heritage and Modern Times.* 2019:2(2);9–19.

Для понимания динамики культурного ландшафта Кенозерья необходимо обозначить основные исторические этапы его освоения и культурно-хозяйственного развития, для каждого из них были характерны свои формы творческого взаимодействия человека и природы. Результаты археологических исследований, которые велись здесь с начала 1860-х гг. и продолжаются в наши дни (И.С. Поляков [1], М.Е. Фосс [2], С.В. Ошибкина [3], С.З. Чернов [4], А.Г. Едовин [5], А.Я. Мартынов [6], Д.В. Герасимов [7] и др.), позволяют судить о древнейшей истории кенозерской земли.

Первым материальным воплощением взаимодействия человека с окружающей средой являются обнаруженные археологами стоянки первобытного человека, относящиеся к послеледниковому периоду, VII–VI тыс. до н.э. Коллекция каменных предметов, выявленная на Медвежьем острове (в XIX в. в Государственный исторический музей поступили артефакты, переданные Г.Ф. Миллером), содержит типичные для среднего каменного века кремневые ножевидные пластины и нуклеусы. Стоянки древнего человека располагались на сравнительно высоких песчаных террасах «озёрного края» и как временные поселения не имели существенного влияния на изменение естественного облика ландшафта. Мезолитические стоянки были открыты на Песьяном мысу, в устье р. Волошева, в истоке р. Кены и у д. Мор-

щихинская. К неолиту, последнему этапу каменного века, относится большинство первобытных стоянок Кенозерья (наиболее известны – Вершинино, Усть-Поча, Косицыно, Челма I). В эту эпоху этнические группы уже переходили от подвижного к оседлому образу жизни, начинали заниматься производственной деятельностью, изготавливали керамическую посуду. Но основным занятием древнего населения оставались таёжная охота, озёрное и речное рыболовство. С этим периодом связана древнейшая мастерская по обработке сланца, расположенная на стоянке в устье р. Волошевы. Набор найденных керамических предметов характерен для племен ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита, что, по мнению археологов, связано с появлением здесь населения из Волго-Окского междуречья. Движение северной группы волго-окских племен в «озёрный край», где сформировались каргопольская, карельская и беломорская культуры, продолжался в течение II–I тыс. до н.э. [8].

В начале бронзового века – II тыс. до н.э. – люди стали использовать для проживания долговременные заглублённые в землю жилища, которые располагались на высоких береговых террасах группами. Интересные находки остатков таких жилищ отмечены у Пашкова озера, близ д. Поромское.

Известны на Кенозерье и памятники раннего железного века. Самый характерный из них расположен неподалёку от истока р. Поча из Почезера. Он датируется серединой I тыс. до н.э. – серединой I тыс. н.э. Интереснейшими археологическими объектами являются так называемые «каменные кучи» – сложения из валунов, датируемые эпохой раннего металла – раннего Средневековья. Их назначение до сих пор является предметом дискуссий. Но наиболее распространено мнение об их погребальном предназначении. Комплекс «каменных куч» в Кенозерье на о-ве Виловатый получил известность с середины XX в. В 2016 г. ещё одна группа таких сооружений выявлена на о-ве Мамонов. Данные археологические объекты можно рассматривать как одну из ранних форм исторического процесса, формирующего культурный ландшафт Кенозерья.

Этническая история Кенозерья прочитывается с середины I тыс. до н.э., когда сюда из Приуралья начали расселяться носители культуры «ананьинского» круга древностей. Это была единственная из археологических культур, распространение которой охватило всю территорию от Зауралья до Прибалтики включительно. После их продвижения возникла новая (прибалтийско-финско-саамская) этноязыковая общность, которая сложилась на основе местного этнического компонента, ассимилированного пришлым, уральским населением. Данная общность, именуемая «протосаамы», является древнейшим финно-угорским населением Русского Севера. Прибалтийско-финско-

саамская общность, просуществовав до конца I тыс. до н.э., распалась, как предполагается, на прибалтийско-финскую и саамскую. На территории, примыкающей к Финскому заливу, формировались прибалтийские финны, а к северу и востоку – саамы [9]. Существование саамской охотничье-рыболовецкой культуры в Кенозерье продолжалось до середины XI в.

Особый период в истории Русского Севера связан с включением в состав Древнерусского государства в XI–XII вв. огромных северных территорий и первым славянским заселением. В сложных процессах миграционного движения на Север из Новгородских земель вместе со славянами участвовали неоднородные этнические группы – славянизированные и аборигенные балтийские и финно-угорские. Происходит формирование своеобразной местной культуры, создание самобытного хозяйственно-культурного уклада жизни и этико-эстетической системы мировоззрения в результате взаимодействия элементов финно-угорской культуры «леса» и славянской культуры «поля». Ранний этап формирования традиционной системы сельского расселения Севера (XI–XIV вв.) называют периодом «заселения и славянской колонизации северных окраин». Это был устойчивый процесс сосуществования различных этнических групп (финно-угорской, скандинавской и славянской) [10]. Первоначально расселение, имевшее низкую плотность, было приурочено к крупным водотокам и водоёмам, где появляются селения с рублеными деревянными домами на берегах. На возвышенных местах воздвигались первые христианские сакральные объекты (часовни, кресты). Монастырские обители также основаны на гористых или высоких береговых уступах. На горе Челме (береговой уступ над рекой Челмой) был основан древнейший Кирилло-Челмогорский монастырь (XIV век). Это был важный период развития культурного ландшафта, когда естественные пейзажи изменялись благодаря активному включению в них рукотворных объектов.

Постепенно на побережьях Кенозера, Лёкшмозера и других меньших озёр формировалась сеть поселений и транспортных магистралей того времени – водно-волоковых путей, связывающих Новгород и Ростов Великий с северной периферией ряда европейских стран. Прохождение водно-волокового пути через Кенозеро оказало огромное влияние на развитие и заселение этой территории, что необходимо учитывать при рассмотрении факторов формирования кенозерского культурного ландшафта. Через Каргополье, к которому относились Кенозерье и Лёкшмозерье, проходит несколько крупных водоразделов и в период славянского освоения здесь возникает несколько волоков. Процесс колонизации мог существовать в то время только на устойчивом историко-географическом каркасе с системой расселения постоянного характера. Поэтому в непосредственной близости от волоков на берегах крупных водоемов ранее, чем в других местах, сформирова-

лись важнейшие поселенческие узлы территории – сеть водораздельных приозёрных поселений и погостов – волости-сообщества. Именно с волоковых микрорегионов начала формироваться ранняя земледельческая сеть края [11].

Огромную роль средневековой коммуникации для освоения Севера сыграл Кенский волок – первый волок на магистральном пути из Новгорода в Поморье, соединивший речные системы бассейнов Белого и Балтийского морей. Кенский волок – уникальный историко-археологический памятник, который впервые описан в 1563 г., хотя возник намного раньше, не позднее XI в. Его географический путь: Онежское озеро – р. Водла – река Черева – Кенский волок – оз. Волоцкое – р. Волошева – р. Поча – оз. Кенозеро – р. Кена – р. Онега [12, с. 20–22]. Примечательно, что фрагменты волоковой трассы, составлявшей примерно семь километров, еще сохранялись в 1979 г. Этой дорогой люди пользовались вплоть до 1940-х гг. [4; 13]. Именно здесь собрано большинство археологических находок, историко-этнографических материалов, раскрывающих особенности данной территории.

В процессе освоения северных земель новгородцы встретились с колонизационным потоком других групп славянства, исходящим из Ростова, Суздальской Руси и прилегающих земель. Этот второй поток поначалу был гораздо менее интенсивен, но со временем поставил преграду новгородскому проникновению [14]. Новгородцы, продвигаясь в глубь северных территорий, преследовали преимущественно промысловые цели, ориентировались на внешнюю и внутреннюю пушную торговлю. Поэтому особое развитие получила охота на белку, куницу, выдру, бобра, норку, горностая, рысь, росомаху. Приход с юга славянских поселенцев («ростово-суздальская колонизация»), владевших ремёслами и техникой землепашества, отличался по значению и смыслу от новгородского освоения.

В XIV–XVI вв. в связи с истреблением ценного пушного зверя охотничий промысел переместился на северо-восток Европейского Севера и в Сибирь. Экономическая роль местной охоты резко снизилась. Наблюдается активное освоение земель как новгородцами, так и выходцами из ростово-суздальских земель, которые шли главным образом через Белоозеро. Среди причин, обусловивших этот процесс, было стремление уйти из мест, захваченных монголо-татарами, бегство от боярской неволи, влияние рассказов бывалых людей о свободных землях к востоку от Новгорода [6, с. 20]. Закономерно, что именно в местах «новгородского» освоения Севера фольклористы обнаружили богатый былинный репертуар [15].

В это время освоение края приобрело выраженный земледельческий характер. Расчищаются среди леса подсеки, постепенно превращаясь в постоянно используемые пашни и выгоны для скота. Через

подсечное земледелие и пользование лесными ресурсами значительно меняется ландшафт. Вслед за новгородской и ростовской знатью здесь оседали и «дружины» – артели «чёрных» новгородских людей. Среди них были артели мастеров-плотников, кузнецов, гончаров. Активно начинают развиваться промыслы и ремёсла: кузнечное, гончарное, плотницкое и столярное дело, прядение и ткачество, ориентированные преимущественно на собственное потребление. Этот период был важным для становления традиций общинного природопользования. Тогда окончательно оформилась сохранившаяся к настоящему времени система сельского расселения. Исходя из многих финно-угорских топонимов, перешедших в названия населенных мест Кенозерья, можно утверждать, что смена финно-угорского населения славянским к XV–XVI вв. завершилась.

В 1478 г. Москва окончательно включает северные новгородские земли в состав единого русского государства. Экономическая ориентация края изменяется. Возрастает значение вначале Каргопольско-Онежского, а с XVI в. – Сухоно-Двинского торговых путей. Последующее развитие международного торга значительно понизило роль Онежского пути, и уже к XV в. водные пути (Кенский волок и другие транзитные волоки) не имели былого значения, постепенно уступая место сухопутным дорогам. Но сеть поселений на водораздельных территориях уже полностью сформировалась. К XVI в. главная сухопутная дорога транзитного характера – Пудожский тракт, прошла через водораздел на удалении от древнего волока. С одной стороны, это способствовало развитию Лёкшмозерской волости-сообщества (через которую прошёл тракт) как «малого центра тяготения» в южной части водораздельного района. С другой стороны, это обеспечило некоторую «сухопутную транспортную изоляцию» Кенозерской волости-сообщества, что способствовало консервации элементов локальной традиции. На длительный период эта локальная территория в экономическом отношении была предоставлена самой себе, край оказался в какой-то степени изолированным, замкнутым.

К концу XV в. Лёкшмозерская и Кенозерская волости, которые занимали территории, прилегающие к озерам Лёкшмозеро и Кенозеро, вошли в Каргопольский уезд с административным центром городом Каргополем. При Петре I, в 1708 г. Каргопольский уезд был включен в состав Ингерманландской губернии, затем Санкт-Петербургской губернии, а в 1727 г. – Новгородской губернии. В 1784 г., Каргопольский уезд вошел в состав Олонецкой губернии с губернским городом Петрозаводском. Северное Кенозерье оказалось в пределах нового Пудожского уезда, а южное – осталось в Каргопольском уезде. Граница между уездами прошла по озеру Кенозеро, рекам Кене и Онеге. В 1797 г. эти уезды были объединены в единую Кенозерскую вотчину с включением в состав Новгородской губернии. Указом Александра I от 1801 г.

Олонецкая губерния с губернским городом Петрозаводском была восстановлена, и Кенозерье вновь вошло в эту губернию. С 1919 по 1929 гг. Каргопольский уезд входил в состав Вологодской губернии, в 1937 г. Кенозерье было передано Архангельской области [16].

Согласно Каргопольской платёжнице 1555–1556 гг., Кенозерская волость тогда насчитывала 76 деревень, Лёкшмозерская и Долгозерская – 13 деревень. По данным за 1785 и 1791 гг. количество деревень практически не увеличилось: в Кенозерской волости – 79 деревень (427 дворов и 3279 человек населения, в среднем на деревню приходилось 5,6 дворов и 43 жителя, на двор – 7,7 человек), в Почезерской (в границах парка) и Лёкшмозерской волостях соответственно деревень – 14 и 15; населения – 744 и 1202 человек со средней численностью 53 и 80 человек [12, с. 33–45].

В XVI–XVII вв. завершилось формирование основного ядра территории Кенозерья и Лёкшмозерья. Впоследствии уже ни секуляризация, ни передвижения населения, ни межевание не изменили границ этого ядра: волости Кенозерская, Кенорецкая и Лёкшмозерская оставались в Каргополье наиболее стабильными и устойчивыми в своих границах [12, с. 45]. На основе топонимического материала можно констатировать, что территория Кенозерья, входя географически и по целому ряду историко-культурных параметров в Поонежье (бассейн р. Онега), в то же время тяготеет к восточному Обонежью (бассейн Онежского озера), с которым связана водно-волоковыми путями (Кенский, Кумбасозерский и Лёкшмозерский волоки). Эту особенность расположения Кенозерья можно определить как переходную зону между Обонежьем и Поонежьем, которая исторически отразилась и в административном делении – граница уездов проходила до начала XX в. по линии крупных водоразделов [17].

Начиная с XVII в. на территории Кенозерья начинается активное строительство часовен, церквей, монастырей, воздвижение поклонных крестов. Особенностью религиозной жизни территории является наличие широко распространенных часовенных приходов. Более восьмидесяти часовен, входившие в состав семи церковных приходов Кенозерья (Кенозерский, Кенский, Хергозерский, Лёкшмозерский, Ряпусовский, Видягинский, Почезерский) образовывали самостоятельные «меньшие церковные общины», как их назвал В.М. Верюжский.

Центром Кенозерской волости был «на Кено-озере на острове погост» [18] с храмовым ансамблем, идейно и композиционно объединявший пространство озёрной системы, по береговой полосе которой (протяженность 350 километров) и на островах группировались селения, объединённые с 1858 г. на основании Указа Александра II в общества Рыжковское, Вершининское, Климовское и Ряпусовское. На юге волости, в 15 километрах от Кенозера, находилась обособленная груп-

па поселений – куст трёх деревень Порженского погоста с Георгиевской церковью XVIII в. На восточном берегу Кенозера, у истока р. Кены – деревня Першлахта Кенорецкой волости. Часть Почезерской волости – куст деревень Почезерского погоста – слагает северную часть системы расселения Кенозерья. Лёкшмозерская волость включала еще две группы населённых мест, находящихся к северу по дороге на Кенозеро: Масельгу и Долгозерский куст деревень.

К середине 1760-х гг. в регионе устанавливается относительная стабильность в количестве населения и в распределении его по волостям и деревням Каргопольского уезда. Секуляризация церковных владений повсюду завершена. В конце XIX – начале XX в. сельские общества владели землёй: сельскохозяйственными, речными и лесными угодьями (включая озёра) на основании владенных записей, составленных в 1890–1900-х гг. [12, с. 67]. Кенозерские деревни, как и раньше, невелики. В 1905 г. наиболее населённые из них насчитывали от 10 до 15 домов в 10–12 семей. Наибольшее число жителей проживали в Семёново, Тырышкино, Тарасовой, Горбачихе, Вершинино [19]. На рубеже столетий численность населения (в границах национального парка) достигла почти 7 тысяч человек – сравнительно высокой для северных природно-климатических условий цифры. Территориальное освоение приблизилось к своему пределу.

Активное разрушение традиционного уклада жизни началось в 1929–1930-е гг., период коллективизации и уничтожения единоличных крестьянских хозяйств. Традиционный общинный уклад внешне отвечал атрибутике колхозов, но свобода хозяйствования крестьянина попадала в зависимость от командной системы. Тогда же понёс ущерб не только хозяйственно-экономический и социальный уклад, но и духовная культурная среда (в период борьбы с религией в 1930-е гг.).

Раскулачивание не миновало Кенозерье и Лёкшмозерье, в 1937–1939 гг. жители по выдуманным обвинениям подвергались политическим репрессиям. В военное время ушла на фронт большая часть мужского населения (например, из деревни Гужово ушло на фронт 45 человек, а вернулось только 10, и эта статистика типична для всех деревень Кенозерья). В 1950-е гг. многие поселения обезлюдели: необходимость подъёма промышленности в городах в послевоенный период требовала новых рабочих рук. Условия сельской жизни были тяжёлыми, что стимулировало миграцию в город, несмотря на административные запреты.

В начале 1960-х гг. началось укрупнение деревень – осуществлялся план создания «перспективных» и ликвидация «неперспективных» селений. Была нарушена социально-экономическая база села, многоукладность сельхозпроизводства, коренное население сократилось почти в 3 раза и было отлучено от кормивших его промыслов.

Культуре северно-русской деревни была противопоставлена культура лесозаготовительных поселков со свойственным их населению разрушительным мировоззрением временщиков.

И все-таки, несмотря на кризисные явления в истории Кенозерья, к моменту создания в 1991 г. национального парка, территория в большой степени сохранила своё историко-культурное и духовное наследие. В настоящее время в границах парка расположено 45 сельских населенных пунктов (в начале XX в. здесь было 102 деревни) с постоянным населением немногим менее двух тысяч человек. Часть деревень оказалась утраченной, но в них остались культовые объекты, следы традиционной планировки и застройки, которые содержат огромную информацию о культуре Кенозерья и имеют историко-культурную и эстетическую ценность. А вместе с поклонными крестами, «святыми» рощами, прилегающими к жилым и нежилым деревням сельскохозяйственными и лесными угодьями, охотничьими путиками, дорогами-тележницами составляют культурный ландшафт, сохранение которого является управленческим приоритетом в деятельности Кенозерского национального парка [20]. Итогом этой работы стало включение в 2014 г. культурного ландшафта «Заповеданное Кенозерье» в Предварительный список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Литература

1. *Поляков И.С.* Три путешествия по Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991.

2. *Фосс М.Е.* Неолитические культуры Севера Европейской части СССР // *Сов. Археология*. 1947. Т. 9. С. 29–46.

3. *Ошибкина С.В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.

4. *Чернов С.З.* Изучение Кенского волока // *Археолгические открытия 1979 года*. 1980. С. 37–38.

5. *Едовин А.Г.* Археологическое наследие Кенозерья // Кенозерские чтения: материалы 1-й Всероссийской науч. конференции / отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ред.-сост. А.А. Куратов. Архангельск, 2003. С. 65–82.

6. *Мартынов А.Я.* Археологические памятники Кенозера (по материалам разведки Соловецкого отряда комплексной Кенозерской экспедиции) / Соловецкий сборник. Архангельск, 2015. Вып. 11. С. 36–46.

7. *Герасимов Д.В.* Технические отчёты о проведении археологического обследования на территории Национального парка «Кенозерский». Рукопись. 2016, 2017, 2018 гг. Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 594.

8. *Фосс М.Е.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР. Вып. 29. М., 1952. С. 180.

9. *Археология Карелии*. Петрозаводск, 1996. С. 5–6, 370–372, 375.

10. *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997. С. 7.

11. *Тормосов Д.В.* Водораздельный ландшафт как историко-географическая составляющая территории Каргополья / Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия: сборник материалов V Международная науч. конф. / отв. ред. Е.Ф. Шатковская, сост. М.Н. Мелютина. ЗАО «Партнер НП». Северодвинск, 2012. С. 215–226.

12. Критский Ю.М. Кенозерье: история и культура: очерки, материалы, исследования: монография. Архангельск, 2005. 207 с.

13. *Севастьянов Д.В.* Кенский волок – объект историко-культурного наследия Русского Севера // Культурное и природное наследие Европейского Севера: сб. / сост.: П.С. Журавлев [и др.]; отв. ред.: Н.М. Теребихин, Е.Ф. Шатковская; Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, НП «Кенозерский». Архангельск, 2009. С. 276–286.

14. История северного крестьянства // Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984. Т. II. С. 38.

15. Онежские былины, записанные А.ф. Гильфердингом летом 1871 г. Вступ. статья и комментарии А.И. Баландина. Архангельск. 1983. С. 5–19.

16. Тормосова Н.И. История административно-территориального устройства Кенозерья и Лёкшмозерья во второй половине XVIII – начале XIX века // Небеса и окрестности Кенозерья: расписные потолки, иконы, деревенские часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М., 2009. С. 550–553.

17. *Муллонен И.И., Захарова Е.В.* Многослойная топонимия Кенозерья / Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия: сборник материалов V Международная науч. конф. / отв. ред. Е.Ф. Шатковская, сост. М.Н. Мелютина. ЗАО «Партнер НП», Северодвинск, 2012. С. 152–162.

18. Материалы по истории Европейского Севера СССР // Северный археографический сборник. Вып 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI века. Вологда, 1972. С. 163–264.

19. Списки населенных мест Олонецкой губернии на 1873, 1879 и 1905 годы. Петрозаводск, 1907.

20. *Шатковская Е.Ф.* Культурное наследие Кенозерья. Спасти, сохранить, показать // Музей-заповедник: экология и культура: Материалы шестой Международной научно-практической конференции (станция Вёшенская, 4–6 сентября 2015 года). Ростов-на-Дону, 2015. С. 32–37.

KENOZERO CULTURAL LANDSCAPE: HISTORICAL FACTORS OF EVOLUTION

E. Shatkovskaya, M. Melyutina
director@kenozero.ru, nauka@kenozero.ru

National Park “Kenozersky”, Arkhangelsk, Russia

Abstract. *This paper explores the history of cultural landscape evolution in Kenozero area. Since cultural landscapes are depositaries of local cultural values, the evolution of the area is interpreted by the authors in relation to core stages of local human activity. An essential element of the local landscape is a settlement consisting of peasant homesteads and sacral sites – chapels, churches, and roadside crosses. These components form the historical and cultural makeup of the area, representing the archaic elements of a northern Russian village. The implementation, in the early 1960s, of the plan to liquidate ‘the unpromising' villages had led to abandonment of cultural landscapes and undergoing cardinal changes. Despite the historic transformations and the loss of a number of villages, the present-day landscape of Kenozero has retained the status of a valuable natural and cultural area.*

Keywords*: Kenozero area, Lyokshmozero area, historical process, archaeological sites, waterways and cart roads, colonization flows, administrative territorial division, rural settlements statistics, natural and cultural complex.*

For citation: Shatkovskaya E., Melyutina M. Kenozero cultural landscape: historical factors of evolution. *Heritage and Modern Times*. 2019:2(2);9–19.

References

1. *Poljakov I.S.* Tri puteshestvija po Oloneckoj gubernii. Petrozavodsk, 1991.

2. *Foss M.E.* Neoliticheskie kul'tury Severa Evropejskoj chasti SSSR // Sov. Arheologija. M.-L. T. 9. 1947. S. 29–46.

3. *Oshibkina S.V.* Neolit Vostochnogo Prionezh'ja. M., 1978.

4. *Chernov S.Z.* Izuchenie Kenskogo voloka // Arheolgicheskie otkrytija 1979 goda. M., 1980. S. S. 37–38.

5. *Edovin A.G.* Arheologicheskoe nasledie Kenozer'ja // Kenozerskie chtenija: materialy 1-j Vserossijskoj nauch. konferencii / otv. red. E.F. Shatkovskaja; red.-sost. A.A. Kuratov. Arhangel'sk, 2003. S. 65–82.

6. *Martynov A.Ja.* Arheologicheskie pamjatniki Kenozera (po materialam razvedki Soloveckogo otrjada kompleksnoj Kenozerskoj jekspedicii) / Soloveckij sbornik. Arhangel'sk, 2015. Vyp. 11. S. 36–46.

7. *Gerasimov D.V.* Tehnicheskie otchety o provedenii arheologicheskogo obsledovanija na territorii Nacional'nogo parka «Kenozerskij». Rukopis'. 2016, 2017, 2018 gg. Nauchnyj arhiv FGBU «Nacional'nyj park «Kenozerskij». F. 1. Op. 2. D. 594.

8. *Foss M.E.* Drevnejshaja istorija Severa Evropejskoj chasti SSSR. Vyp. 29. M., 1952. S. 180.

9. Arheologija Karelii. Petrozavodsk. 1996. S. 5–6, 370–372, 375.

10. Makarov N.A. Kolonizacija severnyh okrain Drevnej Rusi v XI–XIII vv. M., 1997. S. 7.

11. *Tormosov D.V.* Vodorazdel'nyj landshaft kak istoriko-geograficheskaja sostavljajushhaja territorii Kargopol'ja / Kenozerskie chtenija – 2011. Chelovek i sreda: garmonija i protivorechija: sbornik materialov V Mezhdunarodnaja nauch. konf. / otv. red. E.F. Shatkovskaja, sost. M.N. Meljutina. ZAO «Partner NP», Severodvinsk, 2012. S. 215–226.

12. *Kritskij Ju.M.* Kenozer'e: istorija i kul'tura: ocherki, materialy, issledovanija: monografija. Arhangel'sk, 2005. 207 s.

13. *Sevast'janov D.V.* Kenskij volok – ob"ekt istoriko-kul'turnogo nasledija Russkogo Severa // Kul'turnoe i prirodnoe nasledie Evropejskogo Severa: sb. / sost.: P.S. Zhuravlev [i dr.]; otv. red.: N.M. Terebihin, E.F. Shatkovskaja; Pomor. gos. un-t im. M.V. Lomonosova, NP «Kenozerskij». Arhangel'sk, 2009. S. 276–286.

14. Istorija severnogo krest'janstva // Krest'janstvo Evropejskogo Severa v period feodalizma. Arhangel'sk, 1984. Tom II. S. 38.

15. Onezhskie byliny, zapisannye A.f. Gil'ferdingom letom 1871 g. Vstup. stat'ja i kommentarii A.I. Balandina. Arhangel'sk. 1983. S. 5–19.

16. *Tormosova N.I.* Istorija administrativno-territorial'nogo ustrojstva Kenozer'ja i Ljokshmozer'ja vo vtoroj polovine XVIII – nachale XIX veka // Nebesa i okrestnosti Kenozer'ja: raspisnye potolki, ikony, derevenskie chasovni i cerkvi, sostavljajushhie istoriko-kul'turnyj landshaft Nacional'nogo parka «Kenozerskij». M., 2009. S. 550–553.

17. *Mullonen I.I., Zaharova E.V.* Mnogoslojnaja toponimija Kenozer'ja / Kenozerskie chtenija – 2011. Chelovek i sreda: garmonija i protivorechija: sbornik materialov V Mezhdunarodnaja nauch. konf. / otv. red. E.F. Shatkovskaja, sost. M.N. Meljutina. ZAO «Partner NP», Severodvinsk, 2012. S. 152–162.

18. Materialy po istorii Evropejskogo Severa SSSR // Severnyj arheograficheskij sbornik. Vyp 2; Severnye piscovye knigi, sotnicy i platezhnicy XVI veka. Vologda, 1972. S. 163–264.

19. Spiski naselennyh mest Oloneckoj gubernii na 1873, 1879 i 1905 gody. Petrozavodsk, 1907.

20. *Shatkovskaja E.F.* Kul'turnoe nasledie Kenozer'ja. Spasti, sohranit', pokazat' // Muzej-zapovednik: jekologija i kul'tura: Materialy shestoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (stancija Vjoshenskaja, 4–6 sentjabrja 2015 goda). Rostov-na-Donu, 2015. S. 32–37.

Сведения об авторах

Шатковская Елена Флегонтовна, заслуженный работник культуры РФ, директор ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», г. Архангельск, Россия.
E-mail: director@kenozero.ru

Мелютина Марина Николаевна, канд. философ. наук., начальник отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», г. Архангельск, Россия.
E-mail: nauka@kenozero.ru

Authors of the publication

Elena Shatkovskaya, Honoured Fellow of Culture of the Russian Federation, Director of the Federal State-Financed Establishment “National Park “Kenozersky”, Arkhangelsk, Russia.
E-mail: director@kenozero.ru

Marina Melyutina, Ph.D. in Philosophy, Head of Historical Cultural Heritage Studies Department “Kenozero National Park”, Arkhangelsk, Russia.
E-mail: nauka@kenozero.ru

Дата поступления 14.01.2019